

ной войны, не было необходимых условий для удовлетворения верующими их религиозных потребностей.

- ¹ Известия, 1927. 19 августа.
- ² Музафарова Н.И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917—1937). Иркутск, 1987. С. 138.
- ³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 65; Д. 62. Л. 5—7.
- ⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106—115.
- ⁵ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 40.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 22—23.
- ⁷ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 41.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 28.
- ⁹ Известия. 1942. 29 декабря.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 53. Л. 69.
- ¹¹ Известия. 1943. 25 февраля; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 29.
- ¹² Известия. 1943. 5 сентября.
- ¹³ Там же. 9 сентября.
- ¹⁴ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 4; Известия. 1945. 3, 4 февраля.
- ¹⁵ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 97—98.
- ¹⁶ Известия. 1943. 15 января, 16 октября.
- ¹⁷ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 6.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 17.
- ¹⁹ Известия. 1945. 4 февраля.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 68.
- ²¹ Там же. Д. 2. Л. 17.
- ²² Там же. Л. 68, 69.
- ²³ Там же. Л. 72, 73.
- ²⁴ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 197—198.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 27.
- ²⁶ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 54.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 62. Л. 5—7.

Сперанский А.В. (Екатеринбург)

ЦЕРКОВЬ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Вторая половина Великой Отечественной войны стала периодом значительного усиления религиозной активности в уральском регионе. Это объяснялось, в первую очередь, изменением политики государства, признавшего Церковь как социальный институт, оказывающий заметное влияние на патриотическое воспитание населения, и давшего Православию возможность легального существования. Однако немаловажную роль в широком распространении религиозных настроений сыграли и сохранившиеся в душах большого количества граждан христианско-православные традиции, веками утверждавшиеся в народном сознании. Загнанные репрессиями 1920—30-х годов, казалось,

в безвыходный тупик, они начали быстрое возрождение, как только изменилась политическая ситуация в стране и обозначились благоприятствующие условия. Нельзя также не отметить, что укрепление Церкви в значительной мере способствовало тяжелейшему положению, в котором оказалось население страны в результате войны. Гибель на фронте родных и близких, колоссальные материально-бытовые трудности, отсутствие какой-либо поддержки со стороны окружающих, неверие в возможность выхода из критической ситуации, порождали социальную апатию в обществе и подталкивали значительную его часть к поиску решения злободневных проблем в области религиозно-мистических представлений. Период 1943—1945 гг. явился для уральского региона, пожалуй, наиболее активным в плане восстановления духовенством ранее утерянных позиций. Особенно интенсивно этот процесс начинает развиваться в аграрном секторе Урала.

В эти годы в сельской местности возобновляется деятельность культовых учреждений, воссоздаются приходы, церковные общины, укрепляется их общественный статус и экономический базис. Важно отметить, что за период с 1943 по 1945 гг. на Урале практически не осталось ни одного сельскохозяйственного района откуда бы не поступило заявление с ходатайством от верующих по поводу открытия в том или ином населенном пункте православной церкви или молитвенного дома. Часто просители не удовлетворялись разрешенной властями процедурой и своими активными действиями стремились ускорить положительное решение вопроса.

Во многих деревнях и селах Урала распространялись письма антиатеистического содержания, где подчеркивалась необходимость отправления религиозных культов, имели место призывы к верующим оказывать энергичное давление на власти с целью быстрого открытия храмов. Подобные послания содержали требование под угрозой божьей кары размножать текст и способствовать его дальнейшему распространению среди ближайшего окружения. Это давало возможность без значительных материальных затрат и использования технических средств охватить такого рода агитацией большое количество людей.

Повсеместным явлением в деревнях и селах уральского региона стали посещения церковными активистами домов колхозников и рабочих совхозов с просьбами принять участие в организации приходской общины, составлении ходатайства об открытии церкви, ремонте помещений и т.п. Бывали случаи, когда религиозные чувства, долгое время подавляемые господствующей в стране атеистической идеологией, адекватно реагируя на изменение ситуации, выплескивались в массовые шествия, коллективное отправление тех или иных церковных обрядов. Характерной чертой усиления религиозной активности сельского населения стали групповые церемонии, связанные с так называемым

“обновлением икон”, крестные ходы, общие моления у “святых источников”. Обрядовые действия по обновлению икон неоднократно совершались в Троицком, Полтавском, Агаповском, Нязе-Петровском, Верхне-Уральском, Чесменском районах Челябинской области. По свидетельствам уполномоченных по делам Русской Православной Церкви подобные ритуалы имели место на Среднем Урале, в Прикамье, в Оренбуржье и других местностях региона¹. Крестные ходы с иконами и песнопениями по поводу различных церковных событий и праздников наблюдались в Мостовском, Чашинском районах Курганской области, в Верхне-Тавдинском районе Свердловской области. В Гафурийском районе Башкирии постоянно организовывались массовые моления у источников “явленной иконы Табынской божьей матери”, в которых принимали участие не только местные жители, но и верующие специально приезжавшие из других областей².

Стремление духовенства и верующих максимально использовать изменившуюся по отношению к религии государственную политику, иногда приводило к превышению предоставленных им государством прав, что незамедлительно порождало негативную реакцию властей. Наиболее распространенным нарушением существовавшего законодательства было начало деятельности священнослужителей в сельских приходах без соответствующей санкции государственных органов управления. Так, епископ Пермской епархии Александр (Толстопятов) в 1944 г. несколько раз своими распоряжениями направлял в деревни и села Западного Урала священников, но их деятельность пресекалась местной администрацией как незаконная, несмотря на готовность храмов и желание паствы принять настоятелей. Епархиальному архиерею указывалось, что открытие церкви и начало службы возможно только после положительного решения Правительства и официальной регистрации культового учреждения, священнослужителя и приходской общины в соответствующих органах. По этой причине уполномоченный по делам Русской православной Церкви по Пермской области запретил церковную деятельность в селах Числа Нытвенского района, Спас-Барда Кишертского района, Ныроб Чердынского района³. В Курганской области имели место факты, когда прибывшие в села священники предъявляли справки о своем назначении, подписанные высшими лицами Московской Патриархии. В частности, в селах Косулино и Костылево настоятели Троицкой и Вознесенской церквей Николай Щербина и Иаков Костоломов показывали документы за подписью Святейшего Патриарха Сергия, а в селе Ключики служителем культа Николаем Задориным были представлены бумаги, заверенные митрополитом Киевским Николаем. Во всех случаях, церковная деятельность этих духовных пастырей также вызвала сопротивление властных структур и в конечном итоге ставилась вне закона⁴.

Отметим, что порядок открытия церквей, установленный Правительством из-за сложности и громоздкости процедурного процесса вызывал стихийное недовольство. Открытие церквей без государственной санкции, религиозная деятельность священников, не прошедших регистрацию в местной администрации, наблюдались в деревнях и селах Среднего и Южного Урала, Оренбуржья, Башкирии, Удмуртии. Даже после оперативного вмешательства властей, направленного на пресечение подобных действий, требы и службы продолжали совершаться духовными лицами нелегально в домах и на квартирах верующих. В Свердловской области церковные обряды на дому отправлялись священниками в селах Кургановском и Никольском, В Оренбургской — в селах Сорочинск, Троицкое, Саракташ и Красный Холм, в Курганской — в селах Иковском, Черемухово, Чаше, деревнях Широково и Шмаково⁵. В Челябинской области “незаконные” ритуальные действия достаточно часто совершались в селах Троицкого, Агаповского, Верхне-Уральского районов. В Башкирии нелегальные религиозные обряды отправлялись в селах Красноусольском и Табынске Гафурийского района. Не подконтрольные властям вспышки религиозной активности имели место также в населенных пунктах Бирского, Белебеевского, Белорецкого и других районах⁶. Особо подчеркнем, что зачастую нелегальные обряды и ритуалы, совершаемые на частных квартирах, противоречили не только административным установкам властей, но и кардинально расходились с каноническими положениями патриаршей церкви, официально признанной государством. Имели место многочисленные случаи собраний старообрядцев, на которых различные старцы и старицы совершали религиозные обряды не соответствующие нормам Московской Патриархии. Так, в Курганской области старообрядческие моления проводились в селе Ключики Куртамышского района на дому у крестьянина Анания Копылова. Староверы имели сильное влияние на население в Тихоновке, Каргаполье и ряде других деревень и сел Зауралья⁷.

На Урале в годы Великой Отечественной войны в сельской местности наблюдалась также активизация деятельности обновленцев, григорианцев, непоминающих и других представителей раскола, стремившихся, как и все, использовать благоприятную обстановку для упрочения собственных позиций. Представители этих антипатриарших направлений, наряду с пропагандой своих религиозных учений, нередко склонялись к открытым призывам не признавать ставленников Московской Патриархии, саботировать мероприятия, направленные на урегулирование государственно-церковных отношений. К примеру, прибывший в Оренбуржье в январе 1944 г. из мест заключения, обновленческий епископ Серафим (Поздеев), объявил себя епархиальным архиереем, разъезжал по деревням и селам Оренбургской области, где

вел среди крестьян “разъяснительные беседы”, в которых требовал не признавать “большевистского Патриарха” и просил верующих не верить “религиозной реформе советской власти”⁸. Такого рода пропагандистские вояжи представителей раскола не были единичным явлениями и регистрировались компетентными органами власти практически во всех областях и автономных республиках уральского региона. Они, отнюдь, не носили безобидного характера, а сеяли зерна серьезного недоверия к проводимой с конца 1943 г. в стране новой религиозной политике, вызывая, порой, ее активное неприятие со стороны части верующих.

Неверие в то, что советская власть повернулась лицом к Русской Православной Церкви порождало различного рода слухи, разговоры и недомолвки. В той же Оренбургской области уполномоченный по делам церкви в своих донесениях вышестоящему начальству регулярно фиксировал подобные казусы. В одном из отчетов 1944 г. дословно приводятся слова жителя области И.А.Тарасова: “Правительство ласково приняло духовных лиц и в то же время не открывает обещанные церкви”. В этом же документе подробно цитируются высказывания и других “активных церковников” Шевцова, Львова, Голышева, Баканова, подвергавших резкой критике религиозную политику государства⁹. Судя по отчетам уполномоченных по делам церкви других областей и автономных республик Урала подобные настроения имели место и на вверенных им территориях.

Таким образом, новая религиозная политика большевистского государства, ослабившая давление на Церковь, породила тенденцию к возрождению религиозных традиций в обществе. Однако, для развития этого процесса была характерна противоречивость. Она объяснялась стремлением власти полностью контролировать религиозную сферу и не допустить ее чрезмерного разрастания, что вызывало естественное недовольство духовенства и верующих.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18-18 об.; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 1,2.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 67, 159, 119.

³ Там же. Д. 15. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 159.

⁵ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 14; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 59, 74, 159.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18-18 об.; Д. 15. Л. 112, 113, 114.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 159.

⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 114.

⁹ Там же. Д. 443. Л. 4,5; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 31.